

К «TLEA».
С любовью

«Только то, что вы параноик, не означает, что они не следят за вами».

Джозеф Хеллер, «Уловка-22»

В тексте романа упоминается Instagram (Инстаграм) — продукт компании Meta (Мета), признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

Глава первая

Среда, 2:42

Уличные фонари мигают вспышками света, словно делясь секретом, когда я просыпаюсь, завалившись на заднем сиденье такси, не имея ни малейшего представления, как я здесь оказалась или куда направляюсь.

Словно загипнотизированная, я пялюсь в окно на проносящиеся огни города, оставляющие полосы на одеяле темноты, убаюканная задумчивым бормотанием радио в машине.

— Осталось недолго, — себе под нос говорит водитель, внезапно затормозив на красный свет.

Мы встречаемся взглядами в зеркале заднего вида, а затем светофор меняет свой свет и город продолжает движение в круговороте неона.

— Эта песня для всех тех, кто не может заснуть, но ищет сна, словно несчастный влюбленный, — поэтичная фраза диджея исчезает под перебор акустической гитары.

Мы пересекаем Бруклинский мост, слушая Пола Саймона, поющего о пустых глазах луны. Я смотрю ввысь, поверх зазубренных очертаний городского силуэта. Этой ночью на темном небе нет луны. Когда мы двигаемся по лабиринту сонных улиц, в отдалении зловеще завывает сирена.

— Приехали, — голос водителя прорывается сквозь пучину моих дремотных мыслей.

Я расплачиваюсь помятой пятидесятидолларовой купюрой, сжатой в кулаке, и перехожу дорогу с односторонним

движением, направляясь в квартиру, которую делю с Эми. Квартира находится на втором этаже в старом доме из красновато-коричневого песчаника, превращенном в современный многоквартирный дом с открытой верандой на крыше.

Подойдя к уличной двери, я понимаю, что у меня нет ни ключей, ни кошелька. Я устало облокачиваюсь на шершавую кирпичную стену у входа и неохотно нажимаю на кнопку домофона, чтобы разбудить Эми.

— Ну же, Эми. Пожалуйста, будь дома.

Листья опадают с полуобнаженных деревьев, словно осенний дождь. Я отворачиваюсь, а затем снова на них смотрю. Падение листьев не просто аномально. Оно невозможно. Кто когда-либо слышал про листопад в середине лета?

Наблюдение за листьями, неестественно мягко падающими на тротуар, усиливает тревогу, которую я ощущаю после пробуждения в такси. Последнее, что я помню, прежде чем я открыла глаза, — это то, как я сидела за своим залитым солнцем столом у офисного окна, пока не вздрогнула от внезапного звонка стационарного телефона.

— Лив слушает, — сказала я в трубку, глядя в окно на чудесное летнее небо.

Все, что было после, как в тумане — до данного момента.

Мое дыхание витает в холодном воздухе, словно беспокойный призрак. Лето, с дрожью понимаю я, исчезло, словно излом времени.

Я жму на кнопку домофона снова и снова. Каждый раз я держу палец на кнопке чуть подольше, пока, наконец, на кухне не зажигается свет, озаряя крыльцо. Я слышу громкие шаги по лестнице.

— Эми, мне так жаль... — начинаю я, когда дверь в здание открывается.

На пороге стоит не Эми. Это двое незнакомцев. Высокая женщина с прямыми волосами. Светлыми, только из салона. На ней пижама с синими кроликами. Босые ноги с педикюром. Рядом с ней высокий, спортивный мужчина со взъерошенными светлыми волосами и такого же цвета щетиной. На нем серые спортивные штаны и белая футболка, которую он приподнимает, почесывая подтянутый живот.

Не засыпай

— Какого черта вы звоните в нашу дверь посреди ночи? — отчитывает меня женщина.

— Я не знала, что у Эми сегодня ночуют друзья, — бормочу я, опешив от ее тона.

Это не первый раз, когда я возвращаюсь домой и узнаю, что незнакомые мне люди живут в моей квартире. Эми — восхитительный врач, выпустившаяся в числе лучших. Я люблю ее до смерти, но она может быть рассеянной и не уведомляет меня о тех вещах, которые считает приземленными. Вроде друзей из родного города, ночующих на полу нашей гостиной пару недель.

— Я Лив, — представляюсь я. — Мне так жаль, что я вас разбудила. Я забыла ключи от дома. Опять, — осуждая саму себя, я закатываю глаза.

Женщина все еще мрачно сверлит меня глазами.

— Вот почему я позвонила в дверь... — мой голос слабеет.

Никто из них не уходит с дороги. Их пустые выражения лиц нервируют меня.

— Ну, я думаю, мне лучше подняться наверх и немного поспать. День был длинным, — я делаю шаг вперед, желая попасть в свою теплую квартиру и, желательно побыстрее, в свою комфортную постель. Как только я пересекаю порог, женщина захлопывает дверь, пытаюсь меня не впустить.

— Ай, — я морщусь, когда дверь ударяет меня по ноге.

Несмотря на боль, я не убираю ногу с порога.

— Вам пора, — говорит она мне.

— Это моя квартира, — я указываю на второй этаж.

— Это мы тут живем, — возражает мужчина. — Вы ошиблись.

Я почти верю ему, пока мой взгляд не падает на примечательный кафельный пол и на сделанные из темного дерева перила с загнутым краем. Это уникальные приметы времени, оставленные, чтобы сохранить исторический колорит здания.

— Я живу наверху с Эми уже много лет.

Его лицо озаряется при упоминании Эми, будто он услышал что-то знакомое. Я облегченно выдыхаю. Теперь мы говорим об одном и том же.

— Эми Декер? — спрашивает он.

Меган Голдин

— Да!

— Это тот доктор, чью почтовую макулатуру мы получаем, — говорит он своей девушке, будто бы я не стою рядом.

Я хочу сказать ему, что Эми все еще тут живет. И я тоже. Я прикусываю язык, понимая, что последнее слово будет за ними. В конце концов, это я стою на холодной улице.

Мягкий теплый свет манит из приоткрытой двери квартиры наверху. Меня мучает желание подняться туда и продолжить свою жизнь. Единственный способ сделать это — убедить их впустить меня.

— Извините меня за эту неразбериху, — заискиваю я. — Ну и ночка! Я потеряла свою сумочку и телефон, — я дрожу от холода. — Могу я хотя бы воспользоваться вашим телефоном и позвонить своему парню, Марко, чтобы он приехал и забрал меня? На улице очень холодно.

Женщина убийственно смотрит на меня. Я могла бы умереть от переохлаждения на пороге, и ей было бы все равно. Ее парень излучает большее сочувствие.

Я смотрю на него широко раскрытыми, умоляющими глазами. Он колеблется и затем толкает дверь, чтобы впустить меня. Его девушка метает в него взгляды, будто кинжалы, за то, что он уступил. Ее ноги сердито топают по лестнице наверх.

Глава вторая

Среда, 3:08

Вся моя уверенность исчезает, словно лопнувший пузырь, как только я захожу внутрь. Я совершила большую и досадную ошибку. Это не моя квартира. Конечно, планировка та же самая. Но обстановка совершенно иная.

Квартира выглядит как обложка каталога «Икеи», ее интерьер в цветовом сочетании белого и естественных оттенков продуман до мелочей. Даже кухонные шкафчики новые.

Мой проверенный временем обеденный стол из тика, мой потрепанный персидский коврик и моя цветастая, сделанная вручную книжная полка, заполненная моей эклектичной коллекцией книг и журналов, — все это заменено минималистичным дизайнерским шиком.

Я уже собираюсь принести извинения и уйти, когда мой взгляд падает на ярко разрисованные цветочные горшки, стоящие в окне дома напротив. Я годами наблюдала этот вид. Это определенно моя квартира.

Голова кружится от вопросов. Кто эти люди? Где мои вещи? Самое важное — хотя я едва ли могу думать об этом, — почему я забыла, что больше тут не живу?

— Где Шона? — спрашиваю я, остановившись на практических вопросах.

— Кто?

— Моя кошка!

— Прошлой зимой в дом все норовила залезть какая-то одноглазая рыжая кошка. Мы отнесли ее в приют.

— Вы убили мою кошку? — я ужасаюсь их бесчувственности.

— Мы ее не убивали. Мы отдали ее в приют для животных.

— Что, по-вашему, делают в приюте с полуслепыми кошками?

— Слушайте, — нетерпеливо перебивает женщина, протягивая мне телефон. — Нам обоим нужно идти спать. У нас обоих рабочие совещания рано утром. Позвоните своему парню, а затем спускайтесь и ждите его на улице.

Я, едва ее слыша, прохожу через открытый дверной проем — в свою спальню.

— Эй, вам нельзя туда входить! — кричит она, идя следом.

Ультрасовременная кровать на платформе, смятые простыни из бамбукового волокна — не мои. Металлический торшер и абстрактный узор «зебра» на стене — тоже. Я беру фоторамку с прикроватного столика. Люди на фото мне незнакомы.

— Не трогайте! — Она вырывает у меня рамку.

Я едва понимаю, что ее лицо слишком близко к моему. Кожа покрылась красными пятнами, что напрочь убивает природную красоту этой женщины. Ее крик заглушается треском внутри моей головы. Он все убыстряется и убыстряется, пока не начинает звучать как счетчик Гейгера в месте радиационного загрязнения.

— Грант, звони копам, — приказывает она.

Звук в голове резко обрывается. Последнее, чего бы мне сейчас хотелось — это столкновение с полицией. Я ясно осознаю, что они не займут мою сторону. Пусть я и в смятении, но знаю, что ситуация явно не в мою пользу. Мне едва ли удастся объясниться с полицией, когда у меня нет ни малейшего понятия, что происходит.

— Подождите! — говорю я громче, чем необходимо. — Я ухожу.

Не засыпай

Ноги трясутся, я крепко держусь за перила, чтобы не упасть, и спускаюсь к выходу на улицу.

— Больше не возвращайтесь. Если я увижу вас тут снова, тогда мы *точно* вызовем копов, — говорит женщина, стоя на лестничной площадке. Я открываю дверь и выхожу в холодную ночь.

Опустившись на верхнюю ступеньку крыльца, я облакачиваюсь на кирпичную стену под панелью домофона, пытаясь придумать, куда мне идти. Меня выбросили на холодную улицу из собственного дома посреди ночи. Я напоминаю себе, что это больше не мой дом. Пара наверху, очевидно, живет тут уже какое-то время.

Голова пульсирует от растерянности. Я осматриваю свои карманы: вдруг я зачихнула свой телефон куда-то. В переднем кармане джинсов я нахожу пачку наличных. В кармане длинного кардигана лежит какой-то предмет, завернутый в футболку.

Я кладу футболку на колено и аккуратно разворачиваю ее. Внутри — нож из нержавеющей стали, в крови, такой свежей, что я чувствую ее запах. Нож падает на ступеньку, с металлическим звоном ударяясь о бетон.

Мне противно коснуться клинка. Немного поколебавшись, я поднимаю его футболкой и бросаю все вместе в урну, установленную рядом с кирпичной стеной. Закрыв веки, я слышу, как захлопываются дверцы машины чуть выше по улице. Это такси высаживает пассажиров. Я стою посреди улицы и машу автомобилю, который едет ко мне, освещая фарами мокрую дорогу.

— Куда? — спрашивает водитель, как только я забираюсь внутрь.

Я даю ему адрес Марко, хоть и не знаю, как Марко отреагирует, когда я окажусь у него в середине ночи. В наших отношениях есть четкие границы. Одной из них является то, что мы не заваливаемся друг к другу без предварительного звонка. У нас даже нет ключей от квартир друг друга. Я убеждаю себя, что Марко не захотел бы, чтобы я блуждала по темным улицам, не имея места, куда можно пойти.

Меган Голдин

Городской свет пульсирует в отдалении, пока такси петляет по почти пустым улицам под печальные мелодии Билли Джоэла, поющего «доброй ночи» своему ангелу по радио. Когда мы проезжаем фонарь, я замечаю надписи на тыльной стороне своих ладоней. Я выгляжу, как человеческий щит с граффити.

Разобрать можно лишь некоторые послания. Большинство стерлись настолько, что они едва ли различимы в свете фонарей, периодически озаряющих меня.

Над костяшками пальцев черной шариковой ручкой написаны буквы. Я прикладываю кулаки друг к другу. Буквы складываются во фразу «НЕ ЗАСЫПАЙ». Над правым запястьем я записала название и адрес места «Ноктюрнал».

Я наклоняюсь вперед и говорю водителю везти меня туда.

Глава третья

Среда, 3:44

Я прижимаюсь лицом к рифленому стеклу двери в бар, но ничего не отзывается в памяти при виде «Ноктюрнал». Размытые цветные пятна двигаются за толстым стеклом в стиле «ар-деко», будто ожившая картина импрессиониста.

Рев бара выливается на улицу, когда открывается дверь. Цветные кляксы, которые я видела сквозь узорчатое стекло, превращаются в людей в длинных плащах, обматывающих шарфы вокруг шеи. Их пьяные глаза ищут проезжающие такси, пока они громко переговариваются между собой головами, еще не настроенными на тихую улицу.

Как только они проходят мимо, я хватаюсь за дверь, прежде чем она захлопывается, и захожу в темную, словно пещера, комнату, наполненную тусклым светом и оглушающим гулом смеха и звенящих бокалов.

— Мы скоро закрываемся, — говорит официантка так, словно знает меня.

Она отсоединяет бархатный красный шнур. Он падает позади меня, когда я захожу внутрь. Справа закрытая зона с пустыми ресторанными столами. Уборщик в белой форме бесшумно моет пол, будто медленно танцуя во сне.

Я спускаюсь по двум ступенькам в оживленную барную зону и теряюсь в компании восьмерых людей, встающих из-за стола. Вставая, они царапают своими стульями пол

и пьяно бредут в сторону выхода. С ними уходит и основной шум.

Пара прожженных пьяниц остаются, сидя на барных стульях, будто на жердочках, и опрокидывая свои стаканы. Никто из них не разговаривает. Их взгляды прикованы к стаканам с жидкостью, будто бы это их единственный источник покоя. Позади барной стойки располагается трехстворчатое зеркало тридцатых годов прошлого века.

Я будто бы смотрю на искаженную версию себя в ярмарочном зеркале. Мои волосы очень длинные и намного темнее моего натурального каштанового оттенка. Теперь это цвет кофе, американо. Я заплетаю их в косу, чтобы не мешали, и удивляюсь тому, как умело я делаю это, хотя никогда этому не училась.

Бармен с темной козлиной бородкой и в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, обнажающими татуировку, наливает напиток мужчине, ссутулившемуся на барном стуле. Бармен смотрит прямо на меня, и его широкая улыбка наполняется теплотой узнавания.

— Лив!

Я так удивлена тому, что незнакомец знает мое имя, что инстинктивно оглядываюсь — не стоит ли рядом моя тезка.

— Я знал, что ты вернешься перед самым закрытием, — все происходит так, будто бы он продолжает предыдущую беседу. — Что тебе налить, Лив? За счет заведения.

— Спасибо, но мне хочется только воды, — говорю я, неловко садясь на свободный стул за стойкой. — Сегодня не пью.

— Пару часов назад ты совсем не то говорила, — усмехается он, протягивая мне стакан ледяной воды.

— Я была тут раньше?

Глаза бармена весело пляшут, наблюдая мой ступор.

— Конечно. Где-то в десять. Ты выпила несколько бокалов и затем ушла.

— Одна?

— Ты была с каким-то парнем, Лив, — отвечает он, внимательно глядя на меня. — Ты не помнишь?

Не засыпай

Тревога сдавливает мне грудь. Прямо сейчас бармен, очевидно, знает обо мне больше, чем я сама.

Должно быть, я была тут с Марко. Возможно, мы пили. Это объяснило бы ощущение, будто я вне своего тела, появившееся у меня, когда я проснулась в машине.

— Сейчас все как в тумане, — объясняю я. — Как он выглядел? Парень, с которым я была.

— Я видел только ваши затылки, когда вы уходили. Народу было — не протолкнуться. Ты знаешь, как тут бывает, когда у нас играет группа.

Я понимающе улыбаюсь, хотя ничего не помню. Ни бармена. Ни бара. Ни мужчину, с которым я ушла вечером. Я меняю тему и спрашиваю, не оставляла ли я сумочку или мобильный телефон, когда была тут прежде. Оказалось, что они пропали.

— Я ничего не видел, но я спрошу у персонала, когда мы закроемся, и дам тебе знать, когда ты придешь завтра, — он наливает жидкость в шейкер для приготовления коктейлей.

Я так крепко задумываюсь, пытаюсь восстановить события прошлого вечера из тех крупиц информации, которые дал мне бармен, что подпрыгиваю, когда он ставит передо мной коктейльный стакан и просит высказать свое мнение.

— Это новый взгляд на джин-тоник. Я использую имбирный эль вместо тоника. Попробуй.

Когда алкоголь касается моего горла, я вздрагиваю.

— Не нравится?

— На самом деле, довольно неплохо. Просто я сегодня не в настроении пить.

Я сдерживаю усталый зевок. Латунные часы на стене говорят, что уже почти четыре утра.

— Мне пора. Я уже давно должна была лечь, — шучу я.

— Но в это время ты никогда не спишь, — заверяет меня он.

— Тогда что я делаю?

— Сидишь тут. Пьешь. Разговариваешь со мной. Пробуешь мои новые коктейли. Что угодно, только не спишь.

— Почему?

— Ты ненавидишь спать. Особенно по ночам.

Меган Голдин

Управляющий оповещает всех, что бар закрывается через пять минут. Как по команде, все выпивохи проглатывают то, что осталось от их напитков, и шеренгой выходят через главную дверь на улицу. Я остаюсь побеседовать с барменом, пока персонал поднимает стулья на столы.

— Откуда ты знаешь обо мне так много?

— Ты рассказываешь мне все секреты, — поддразнивает он меня.

— Какие секреты?

Вместо ответа он показывает на написанные шариковой ручкой буквы над моими костяшками, складывающиеся в слова «НЕ ЗАСЫПАЙ». Я смущенно прячу руки.

— Я иногда пишу себе напоминания, — застенчиво объясняю я. — Дурная привычка. С детства.

— Ты делаешь это, чтобы ничего не забыть. Вот, например, — он указывает на надпись у меня на руке, которая гласит «НЕ СПАТЬ!» Под ней надпись «ПРОСНИСЬ», почти спрятанная рукавом.

— А почему я не люблю спать?

— Ты боишься того, что делаешь во сне. — Он снимает с плеча белое полотно и насухо вытирает пивной стакан, пока я осознаю его слова. — По крайней мере, именно это ты как-то мне сказала.

— Что бы я такого могла сделать во сне? — спрашиваю я. Затем я вспоминаю окровавленный нож.